

ИСЛАМ В РОССИИ
Ответственный за рубрику: Ахмадуллин В. А.
© Исламоведение. 2025. Т. 16, № 2 (64)

ISLAM IN RUSSIA
Person in charge of the section: Akhmadullin V. A.
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2025. Vol. 16,
no. 2 (64)

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-2-12-29

УДК 94(47)+282

Содержание статьи

Информация о статье

Н. А. Нефляшева¹

Введение
Взаимопомощь в этике адыгов:
исламское и этнокультурное
измерения
Крестьянские комитеты общественной
взаимопомощи в советской системе
социальной защиты в 1920-е гг.
Опыт Кабардино-Балкарии
Реорганизация крестьянских
комитетов общественной
взаимопомощи во второй половине
1920-х гг. в центре и на местах
Борьба за ушир-закят в Адыгее:
советская власть и духовенство
во второй половине 1920-х гг.
Заключение

Поступила в редакцию: 10.09.2025
Передана на рецензию: 13.09.2025
Получена рецензия: 23.09.2025
Принята в номер: 29.09.2025

**Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи как агенты
секуляризации: борьба советской власти за ушир-закят на Северном Кавказе
(на материалах Адыгеи 1920-х гг.)**

Институт востоковедения Российской академии наук; innef@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс передачи шариатских сборов (ушир-закята) крестьянским комитетам общественной взаимопомощи (далее – ККОВ) в Адыгее (Адыгейской автономной области) в первой половине 1920-х гг. Шариатские сборы являлись важным источником поддержки исламских институтов, таких, как мечети, медресе, а также использовались для содержания духовенства и оказания помощи неимущим. В статье показано, как через трансформацию этих сборов и исключение мусульманского духовенства из цепочки «сбор и распределение закята» советская власть подрывала экономическую основу ислама и стремилась снизить статус духовенства. Советская власть видела в ушир-закяте источник финансирования социальных нужд через крестьянские комитеты общественной взаимопомощи. В статье показано, что ККОВ вызывали недоверие у населения, были неэффективными структурами, а передача ушир-закята в них осуществлялась путем применения административных мер. Внедрение данной инновации не было принято духовенством, которое не только препятствовало институционализации ККОВ, но и переломило в свою пользу работу съезда верующих и духовенства в Адыгее в 1925 г., выразив несогласие с инициативой властей о направлении ушир-закята в ККОВ.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Адыгейская автономная область, крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, ушир-закят, социальная защита, мусульманское духовенство.

¹ Нефляшева Наима Аминовна – кандидат исторических наук, доцент, ст. научный сотрудник Института востоковедения РАН; <https://orcid.org/0000-0001-9968-0883>.

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-2-12-29

UDC 94(47)+282

Content of the article

Information about the article

N. A. Nefliasheva ²

Introduction.
Mutual assistance in Adyghe ethics: Islamic and ethnocultural dimensions.
Peasant mutual aid societies in the Soviet social welfare system in the 1920s.
The experience of Kabardino-Balkaria.
Reorganization of peasant mutual aid societies in the second half of the 1920s, at the federal and local levels.
The struggle for *ushir-zakat* in Adyghea: Soviet power and the clergy in the second half of the 1920s.
Conclusion.

Received: 10.09.2025
Submitted for review: 13.09.2025
Review received: 23.09.2025
Accepted for publication: 29.09.2025

Peasant Mutual Aid Societies as Instruments of Secularization: the Soviet Campaign to Control *Ushir-Zakat* in the North Caucasus (Case of 1920s Adyghea)

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; innef@mail.ru

Abstract. The article analyzes the practice of transferring *ushir-zakat* to peasant mutual aid societies (PMAS) in Adyghea (Adyghe Autonomous Oblast) in the first half of the 1920s. Sharia taxes were an important source of funding for Islamic institutions such as mosques, madrasas, and were also used to assist the poor. The article demonstrates how, through the transformation of *ushir-zakat* and the exclusion of the Muslim clergy from the chain of its collection and distribution, the Soviet authorities were undermining the economic foundation of Islam seeking to diminish the status of the clergy. The author shows that the transfer of *ushir-zakat* to PMAS was ineffective, with the Muslim clergy resisting that practice. The participants in the congress of clergy and believers in 1925 rejected the proposal to transfer Sharia taxes to PMAS.

Keywords: North Caucasus, Adygeya, *Ushir-Zakat*, Muslim clergy, peasant mutual aid society, social welfare.

Введение

Анализ эволюции исламских институтов в системе советской власти и государственного управления представляет собой одну из значимых задач современной исторической и политологической науки. В СССР была предпринята уникальная попытка построения атеистического государства, которое, тем не менее, вынуждено было взаимодействовать с различными религиозными группами, включая мусульман. Анализ этого взаимодействия позволяет понять, как идеология, политика и социальные реалии влияли на религиозную жизнь.

Отношения между советским государством и исламом не складывались по единому шаблону даже в пределах одного региона, в данном случае Северного Кавказа, и варьировались в зависимости от многих факторов – от конкретного культурно-исторического контекста и региональных различий исламского

² Nefliasheva Naima Aminovna – Cand. Sc. (History), associate professor, senior researcher at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0001-9968-0883>.

социокультурного комплекса и до субъективного понимания места ислама в государстве и обществе того или иного регионального руководителя. Изучение этих различий позволяет увидеть многогранность советской религиозной политики.

В первой половине 1920-х гг. большевики искали союзников среди мусульман, во взаимоотношениях с которыми доминировал дискурс ключевой роли Востока в мировой революции. Как следствие, отношение к мусульманам в этот период отличалось комплиментарностью, советская власть сделала ряд публичных жестов, демонстрирующих уважение к верующим, вовлекала образованных служителей культа в свои социальные, гуманитарные и образовательные проекты.

Советская власть уже в 1920-е гг. пыталась контролировать и трансформировать исламские институты, такие, как муфтияты, шариатское судопроизводство, мечети, система мусульманского образования, а также повлиять на мусульманское духовенство, лишив его традиционных рычагов воздействия на общество. В то же время имело место инструментальное использование советской властью духовенства и некоторых этнорелигиозных традиций, в частности традиций взаимопомощи.

В 1920-е гг. наблюдается процесс институализации укоренившейся традиции взаимопомощи в рамках жесткого государственного контроля, а также формирование новых социальных связей внутри северокавказских обществ, обусловленных внедрением данной практики.

Советская модернизация, охватившая все аспекты жизнедеятельности мусульман, включая систему образования, культурную сферу и семейно-брачные отношения, оказала существенное влияние на религиозную практику и самосознание. Исследование государственно-исламских отношений в указанный период позволяет выявить механизмы воздействия модернизационных процессов на религиозную жизнь мусульманских сообществ и формы их адаптации и реакции на трансформационные изменения.

В данной статье приведены результаты исследования практики перенаправления шариатского сбора ушир-закята³ в крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ) в Адыгее (Адыгейской автономной области) в 1920-е гг.

В кавказоведческой и исламоведческой литературе до настоящего времени нет работы, посвященных исключительно рассматриваемой проблематике.

Исследование механизмов перераспределения шариатских сборов в период утверждения советской власти на Северном Кавказе выпадает из поля зрения ученых при изучении масштабных процессов социалистического строительства. Потенциал данной проблематики остается нереализованным ввиду ее недостаточной разработанности. Существующие фактологические данные, относящиеся к этой теме, носят фрагментарный характер и распределены в работах, посвященных масштабным процессам партийного и советского и строительства в Адыгее. Ряд сведений содержат работы этнографического характера, в которых анализируются традиции

³ Закят – ежегодный налог в пользу нуждающихся мусульман. Его платили только взрослые дееспособные мусульмане с посевов, виноградников и финиковых пальм, скота, золота и серебра, товаров. Для лиц, занимающихся земледелием, предусмотрен особый вид закята – ушир в размере 1/10 части собранного урожая. Закят с продуктов земледелия взимался сразу после сбора урожая, а с остального – в размере 1/40 – по истечении календарного года. Ушир определяется как десятая, предписанный Кораном «налог в размере одной десятой части с продуктов земледелия, который платят только мусульмане. Обычно ушир дается с урожая зерновых и фруктов» [8, с. 74].

взаимопомощи на Северном Кавказе в 1920-е гг. [10; 13; 46]. Перераспределение ушир-закята в советских республиках, в которых преобладал ислам, и сегодня представляет собой малоизученную область. Существующие научные труды, затрагивающие данный вопрос, не рассматривают его в качестве самостоятельного объекта анализа [1].

Шариатские сборы являлись важным источником финансирования исламских институтов, таких, как мечети, медресе, а также использовались для оказания помощи неимущим и социально уязвимым слоям населения. Трансформация этих сборов говорит о том, что советская власть подрывала экономическую основу ислама. Советская власть предлагала альтернативные системы финансирования социальных нужд через крестьянские комитеты общественной взаимопомощи. Изучение трансформации шариатских сборов позволяет понять, насколько эти альтернативные системы были эффективными и как они воспринимались мусульманским населением.

Наконец, институт шариатских сборов, являясь неотъемлемой составляющей религиозной практики, выступал в качестве значимого маркера конфессиональной идентичности мусульман. Трансформация данного института в рамках советской политики отражала целенаправленные усилия государственной власти по ограничению влияния ислама в социуме. Анализ трансформации института ушир-закята позволяет проследить процесс сужения, ограничения и регламентации сферы компетенций духовных лиц.

Источниками данного исследования послужили документы разных видов и типов. Основу исследования составили протоколы, циркуляры, отчеты местных советских и партийных органов власти – Горского отдельного совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов и его исполнительного комитета, Адыгейского областного Совета народных депутатов и его исполнительного комитета, Адыгейского обкома ВКП (б). Изучая архивные фонды Адыгейского областного Комитета крестьянской общественной взаимопомощи (1923–1930 гг.), можно определить насколько эффективно ККОВ заменяли традиционные исламские механизмы социальной поддержки. В Адыгее мусульманское духовенство избиралось в состав аульских ККОВ и сотрудничало с ними в оказании помощи нуждающимся. Фрагментарная информация об этом сотрудничестве содержится в протоколах заседаний ККОВ.

Среди источников, отражающих деятельность государственных структур по перенаправлению шариатских сборов, можно выделить материалы Дискуссионного съезда мусульманского духовенства и верующих Адыгеи в 1925 г., содержащие информацию по позициям разных групп духовенства относительно шариатских сборов и их распределения среди неимущего населения в Адыгее.

Особый интерес для нас представляют обзоры состояния и деятельности мусульманского духовенства в 1920-е гг. Восточного отдела ГПУ-ОГПУ. Обзоры и справки содержат сведения о реакции населения и духовенства на перенаправление шариатских сборов в ККОВ.

Исследование осуществлялось методами логического, сравнительно-исторического и ретроспективного анализа.

Взаимопомощь в этике адыгов: исламское и этнокультурное измерения

Черкесская этика содержит развитые представления о взаимопомощи как одном из своих фундаментальных принципов. Известный философ и антрополог Б. Х.

Бгажноков писал о том, что взаимопомощь «поддерживает в адыгском обществе этически выверенное социальное и психологическое равновесие» [4, с. 27].

У адыгов выплата закята, являющаяся одним из столпов ислама, дополнила практики взаимопомощи, закрепленные в адатах, определявших в том числе и нравственно-культурные основы необходимости оказания помощи.

Шариатские сборы имели значение и для состоятельных, и для неимущих мусульман. Для первых они выполняли функцию социальной легитимации их экономического статуса, были демонстрацией соответствия религиозным предписаниям, для вторых служили гарантированным источником финансовой или натуральной помощи.

Экономическое положение мусульманского духовенства в Адыгее в определенной степени зависело от отчислений от собранного ушир-закята, поскольку институт вакфов, традиционно обеспечивающий финансовую независимость религиозных деятелей, в данном регионе отсутствовал. Сельские эфенди (местное название мулл у западных черкесов), осуществлявшие сбор и распределение закята, в связи с этим приобретали особую социальную значимость при перераспределении экономических ресурсов. Процесс сбора и распределения ушир-закята наделял эфенди особым социальным статусом.

В 1920-е гг. в автономных областях Северного Кавказа формировалась практика лишения духовенства полномочий по сбору и распределению ушир-закята, одного из ключевых шариатских налогов, с последующей их передачей комитетам крестьянской общественной взаимопомощи.

Горский исполком (учрежден на втором съезде трудящихся горцев Кубано-Черноморья в 1921 г.) был одним из первых органов советской власти у западных адыгов («горцев» ранней советской историографии). Он рассматривал ушир-закят как внебюджетный источник финансирования школ. Отдел народного образования Горского исполкома пытался использовать ушир-закят для содержания школ [15, л. 50], однако поступления были нерегулярными, и вскоре стали очевидны «непостоянство и ненадежность этого источника» [15, л. 51].

Советские и партийные руководители Адыгеи 1920-х годов рассматривали выплату мусульманами ушир-закята духовенству и последующее распределение этих средств среди нуждающихся при посредничестве духовенства через призму атеистической идеологии как «религиозный предрассудок», с трудом поддающийся искоренению в процессе культурной трансформации [16].

Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в советской системе социальной защиты в 1920-е гг.

Институционализация системы социальной защиты в Советской России началась в 1917 году с созданием 29 октября Народного комиссариата государственного призрения, преобразованного в апреле 1918 года в Народный комиссариат социального обеспечения. Организационная структура и функциональные обязанности Комиссариата претерпевали ряд изменений: в 1919 году он был объединен с Народным комиссариатом труда, образовав Наркомат труда и социального обеспечения, после чего вновь был выделен в самостоятельную структуру под прежним названием.

Декрет СНК от 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев»⁴ – один из основополагающих документов советской власти, заложивших принципы организации системы социальной защиты. Документ был ориентирован на мобилизацию внутренних ресурсов и стимулирование самоорганизации крестьянства путем обеспечения взаимопомощи на низовом уровне.

Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ), будучи институциональным элементом системы социальной защиты, создавались при сельских советах и волостных исполнительных комитетах. Данные организации были призваны оказывать многостороннюю поддержку социально уязвимым слоям населения, предоставляя материальную, денежную и трудовую помощь, определяемую соответствующими нормативными актами.

Предполагалось, что в условиях экономических и социальных катаклизмов, таких, как неурожай, социальные потрясения и стихийные бедствия, они будут играть важную роль в системе социальной защиты.

Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи осуществляли на местном уровне функцию посредника между государственными структурами и населением в сфере социальной защиты. Они были обязаны не только предоставлять материальную помощь, но и обеспечивать юридическую поддержку, а также контролировать реализацию прав и льгот, закреплённых в советском законодательстве, для инвалидов, вдов и сирот.

Формирование ресурсной базы крестьянских комитетов общественной взаимопомощи осуществлялось посредством диверсифицированных каналов финансирования, включавших внутреннее самообложение, государственные субсидии, передачу конфискованного и бесхозного имущества, отчисления от собранного продналога, а также привлечение пожертвований. Однако предоставление помощи крестьянам со стороны ККОВ не гарантировалось и определялось обеспеченностью конкретного комитета, его финансовыми возможностями. Немаловажную роль играл и субъективный фактор, а именно решения местных руководителей ККОВ.

Нормативное регулирование деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи было дополнено «Инструкцией для крестьянских комитетов общественной взаимопомощи», разработанной Народным комиссариатом социального обеспечения. Данная инструкция конкретизировала механизмы пополнения фондов ККОВ, предусматривая возможность привлечения государственных поступлений, отчислений в рамках товарообмена, а также самообложения населения продовольствием и денежными средствами. Размер самообложения определялся коллективным решением сельского схода, что свидетельствует о наличии элементы демократического управления на низовом уровне.

Летом 1921 года Горский исполком Кубано-Черноморья инициировал кампанию по созданию крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, обратившись к населению адыгских аулов. В агитационном тексте подчеркивалась как идеологическая значимость взаимопомощи («долг перед Республикой»), так и ее практическая ценность в обеспечении социальной стабильности и безопасности

⁴ Декрет Совнаркома 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_942.htm (дата обращения: 19.02.2025).

сельских общин («изгоняя нужду, члены общества... оберегают... от покушений на него со стороны преступного, худого») [17].

В Адыгее в период с 1922 по 1923 г. была сформирована вертикально интегрированная система крестьянской взаимопомощи, охватывающая всю территорию области. Во главе системы стоял Областной комитет крестьянской взаимопомощи (ОблККОВ), а его структурные подразделения были созданы в районных центрах, сельских поселениях и аулах, обеспечивая тем самым охват всех уровней административно-территориального деления.

Финансовое обеспечение крестьянских комитетов общественной взаимопомощи предполагалось осуществлять за счет ресурсов, мобилизуемых на сельских сходах. Предполагалось, что сельские жители будут самостоятельно решать вопросы о введении небольшого налога (в денежной или натуральной форме), организации сбора пожертвований и установлении процентных отчислений от торговли. С самого начала существования ККОВ ушир-закят, «которым удовлетворяется самое нуждающееся население» [19], стал рассматриваться как потенциальный источник формирования их фондов.

В основном фонды ККОВов формировались за счет обедневшего крестьянства. Статистические данные свидетельствуют, что адыгское население находилось в катастрофических условиях: посевные площади и поголовье скота сокращались, начался голод. Это ухудшение материального положения было обусловлено последствиями Гражданской войны [14, с. 73].

В черкесских аулах ККОВ представляли собой неэффективные структуры, которые, едва начав функционировать, быстро прекращали свою деятельность и фактически существовали лишь формально [18]. Нередко распоряжения, поступающие из Краснодара, из регионального центра не выполнялись из-за недостатка грамотных сотрудников, способных их прочесть и понять [44, с. 33].

В условиях Адыгеи функционирование крестьянских комитетов общественной взаимопомощи сталкивалось с проблемой их восприятия со стороны населения, которое отождествляло их с комитетами бедноты времён продразвёрстки и рассматривало практику самообложения как форму грабительских поборов [44, с. 32]. Данное обстоятельство осложнялось тем, что самообложение в пользу ККОВ не отменяло обязательства по внесению единого натурального налога, введённого декретом ВЦИК и СНК «О едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства на 1922–1923 гг.», что создавало дополнительную налоговую нагрузку на крестьянство. С июня 1923 г. Пленум Адыгейского облисполкома установил соотношение между натуральной (70 %) и денежной (30 %) долями сельхозналога [7, с. 33].

В 1924 г. в Адыгее было создано 63 Крестьянских комитета общественной взаимопомощи, которые охватили около 90 тыс. человек. При этом примерно 40–50 тыс. жителей региона, что составляло около 20 % населения Адыгеи, не сотрудничали с ККОВ [20; 21]. В аулах на общих сходах крестьяне выбирали эфенди в состав ККОВ [22–24], но их число вместе с кулаками едва достигало 5 % от общего числа его членов [25]. Около 50 % членов ККОВ составляли бедняки и около 45 % – середняки [25].

Опыт Кабардино-Балкарии

При организации финансирования ККОВ за счет перенаправления им шариатских сборов в Адыгее анализировали опыт Кабардино-Балкарии, что свидетельствует о внимании местных партийных органов к роли религиозных

деятелей в данной инициативе. Поэтому опыт Кабардино-Балкарии может рассматриваться как модель более широкого участия религиозных деятелей в решении вопросов, традиционно относившихся к сфере религиозного права.

В Кабардино-Балкарии муллы активно участвовали в формировании Комитетов крестьянской взаимопомощи, занимали в их структуре не только позиции рядовых участников, но и руководящие посты [47, с. 90–91]. В частности, в 1922 году мулла А. Абуков возглавил областной ККОВ Кабардино-Балкарии, и в общей сложности 51 комитет находился под управлением мулл. Кроме того, муллы входили в состав президиумов комитетов в мусульманских селах и осуществляли сбор ушир-закята. В 1920-е гг. назначение мулл на руководящие должности в ККОВ в Кабардино-Балкарии привлекло внимание юриста А. М. Ладыженского. Он рассматривал данный факт как прецедент институционализации элементов шариата в советской государственной и правовой системе, функционировавшей в указанный период. «ККОВ стал чем-то вроде «управления вакуфами», а затем, когда кабардинцы привыкли вносить отчисления в ККОВы, их управление было преобразовано в советское» [12, с. 55]. В Адыгее в этот период времени компетенция мулл была ограничена их участием в качестве кадиев с совещательным голосом в народных судах в 1921–1923 гг., работа которых регулировалась «Правилами о Горском народном суде».

В период с 1925 по 1926 г. поступления от ушир-закята в Кабардино-Балкарии достигли значительной суммы – более 400 тыс. руб. [2, с. 79]. Данная сумма составляла почти половину общего годового бюджета КБАО. На эти деньги ККОВ были приобретены несколько десятков тракторов и образован фонд в несколько сот тысяч руб. У. Алиев, занимавший ответственные должности в Наркомате по делам национальностей и возглавлявший Национальный Совет Северо-Кавказского крайисполкома, дал положительную оценку опыту Кабардино-Балкарии в использовании данного механизма финансирования. Он писал о том, что надо правоверному мусульманину «порекомендовать пожертвовать именно в КОВы, как это, например, делается в Кабарде» [3, с. 154–155].

В аулах Адыгеи население с трудом вносило ушир-закят в комитеты взаимопомощи, что, как правило, вынуждало власти прибегать к принудительным мерам [27]. В отчетной документации комитетов ушир-закят фигурировал как фактор, препятствующий эффективному функционированию системы ККОВ [21], как особенность «национального и бытового характера», затрудняющая организацию и функционирование ККОВ в регионе [28].

Публично местные власти определяли ушир-закят как частное дело [28], а также настойчиво подчеркивали, что новая практика взаимопомощи через ККОВ не имеет ничего общего с помощью через ушир-закят. Вопреки декларируемым принципам, практика перераспределения ушир-закята зачастую шла вразрез с официальной риторикой. Областные партийные и советские инстанции директивно предписывали аульным советам направлять средства фонда ушир-закята на нужды общественной взаимопомощи через ККОВ. При этом местные власти, проявляя осмотрительность, призывали к деликатному использованию этих средств и неофициально согласовывали свои действия с мусульманским духовенством⁵ [22].

⁵ Так, в ауле Адамий в сентябре 1924 г. состоялось объединенное собрание Комитета взаимопомощи, представителей областного ККОВ с участием авторитетных эфенди Мишеоста Набокова и Магомета Цеева. Собрание постановило приобрести фордзон, объединив средства ККОВ аула Адамий и поступления ушир-закята, чтобы вспахать участки бедняков и общественные земли [22].

Реорганизация крестьянских комитетов общественной взаимопомощи во второй половине 1920-х гг. в центре и на местах

К 1924 году, когда сельскохозяйственный сектор начал восстанавливаться, а социальная инфраструктура в деревне стабилизировалась, акценты сместились. Вопросы, связанные с работой в деревне, вышли на первый план на XIII съезде РКП (б) в мае 1924 года. Съезд ознаменовал поворот в стратегии развития сельской местности, закрепив в своей резолюции «О работе в деревне» ключевую роль комитетов взаимопомощи в экономическом подъеме малоимущих крестьян [9, с. 80]. Решением съезда комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ) трансформировались в крестьянские общества взаимопомощи (КОВ). Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 25 сентября 1924 г. «Положение о крестьянских обществах взаимопомощи» детально регламентировал деятельность КОВ, очерчивая их цели, формы помощи и определяя права и обязанности [45].

Круг задач КОВ расширился: помимо традиционной помощи социально уязвимым слоям обществам вменялась ответственность за борьбу с социальными проблемами (беспризорностью, нищенством, проституцией и пьянством). Им надлежало содействовать развитию кооперации, участвовать в распределении государственных субсидий и частных пожертвований, продвигать интересы малоимущих во властных структурах и распространять передовые сельскохозяйственные знания. КОВ получили статус юридического лица и должны были стать стимулом для развития крестьянской инициативы, опирающейся на внутренние ресурсы. Декрет усиливал партийный контроль, стремясь соединить крестьянскую самоорганизацию с государственным регулированием. «Данное Положение создавало юридическую основу для мобилизации органов взаимопомощи на выполнение решений XIII съезда РКП (б), определившего задачи комитетов КОВ по насаждению в деревне этатизированной кооперации и форм коллективизированного быта крестьян» [5, с. 29].

Новое положение о КОВ расширяло круг источников их финансирования: первичные членские взносы, а также периодические взносы в денежной и натуральной форме; государственные ассигнования; имущество, признанное бесхозным, выморочным или конфискованным в судебном порядке; доходы, получаемые от арендных предприятий и общественной запашки; добровольные пожертвования, как в денежном, так и в натуральном выражении, а также прочие случайные поступления [45, с. 8].

Верховным органом управления КОВ являлось общее собрание граждан аула, созываемое один раз в квартал. Собрание было правомочно избирать комитет как исполнительный орган, а также утверждать дифференцированный размер, порядок и сроки внесения взносов, исходя из таких критериев, как земельный надел, поголовье скота и состав семьи (в частности, число трудоспособных членов). В соответствии с изменениями в Центре в Адыгее в работу КОВ были внесены коррективы⁶. Осенью 1924 г. было проведено районирование КОВ, соответствующее административно-территориальному делению Адыгейской автономной области, в результате чего были учреждены районные КОВы, деятельность которых стала координироваться с районными исполнительными комитетами. Вместо самообложения основным источником формирования фондов стали общественные запашки. Областной КОВ отказался от помощи малоимущим хозяйствам посредством незначительных

⁶ Несмотря на преобразование ККОВ в КОВ, отчетная документация в Адыгее сохранила прежнее наименование.

денежных и продуктовых выплат, применяя данный вид помощи лишь в исключительных случаях. Все имеющиеся ресурсы были направлены на механизацию бедняцких хозяйств [44, с. 33].

Борьба за ушир-закят в Адыгее: советская власть и духовенство во второй половине 1920-х гг.

Через месяц после введения нового Положения Организационное бюро Областного комитета РКП (б) Адыгеи обсуждало вопрос о шариатских сборах (ушир-закят). В протоколе заседания упоминается, что на областном совещании секретарей коммунистических ячеек в октябре 1924 г. в Адыгее была принята резолюция о деятельности ККОВ, в которой вопрос об ушир-закяте был выделен в качестве отдельного пункта. Обнаружить резолюцию в архивах не удалось. Известно, что на заседании Оргбюро Адыгейского обкома РКП (б) член Оргбюро Сеннов выступил с особым мнением по пункту об ушир-закяте. Он был противником этого сбора, но допускал возможность его использования «на приобретение фортификационных сооружений, молотилок и прочего инвентаря для ККОВов». Сеннов считал, что необходимо добиваться, чтобы духовенство легитимизировало передачу ушир-закята КОВ. Он настаивал, чтобы вопрос об использовании ушир-закята «проводился через аульские собрания при наличии согласия со стороны местного мусульманского духовенства» [21, л. 103].

Вопрос об ушир-закяте активно обсуждался на всех уровнях КОВ, начиная с аульского и заканчивая районным и областным. Власти в каждом отчете старались подчеркнуть принципиально новый характер практики взаимопомощи, ее отличие от предписаний Корана. В тезисах о работе ККОВ в Адыгее в 1924 г., подготовленных Адыгейским областным ККОВ, особо отмечалось: «ККОВ преследуют цели оказания помощи населению приобретением для общества сельскохозяйственных орудий, хорошего посевного материала, племенного скота и т. д., тогда как ушир-закят занимается благотворительными делами частного характера» [20]. Эта идея снова была озвучена на I Областном съезде ККОВ Адыгеи в марте 1925 г.: «Совершенно не приходится смешивать ушир-закят с взаимопомощью. У нас подачек быть не может, все должны работать, а не надеяться на содержание извне» [28].

Население и мусульманское духовенство неоднозначно относились к субсидированию ККОВ за счет шариатских сборов. Обедневшее население, обремененное различными налогами и «добровольными платежами» (сельхозналог, самообложение, страховые займы и взносы, а также государственные займы) испытывало трудности при сборе ушир-закята и не понимало необходимости в ККОВ как в новой структуре, учитывая существующие традиции взаимопомощи [21, л. 96]. Духовные лица воспринимали перенаправление закята в ККОВ как вторжение в их сферу деятельности – организацию шариатских сборов и их распределение [29]. В докладе о работе ККОВ аула Пшизов на краевом съезде Комитетов общественной взаимопомощи в 1925 г. отмечалось: «Хаджи и эфенди, которые получали от сбора «ушир-закята» много пользы, увидели, что с созданием ККОВ эта статья дохода от них уходит... и они всеми силами старались доказать гражданам, что ККОВ – это хитрость совласти, чтобы отнять у черкеса его богатство, что если черкесы пойдут в ККОВ, то этим они нарушают Коран, религию и т. п.» [30].

Отчеты о работе и пере выборах районных ККОВ в Адыгее в 1924–1925 гг. отличались особой стилистикой. Фразы с негативной эмоциональной окраской, например, «духовенство злилось» [31], «относится к ККОВ недружелюбно» [32], «не хотели создания ККОВ» [33], «отчаянно сопротивлялось» [34] и т. д. характеризуют

реакцию служителей культа на происходящие процессы и отношение представителей власти к духовенству как к социальной страте, препятствующей советским преобразованиям.

Степень озабоченности власти влиянием духовенства на деятельность ККОВ иллюстрирует ряд фактов. Для районных комитетов взаимопомощи из области присылался стандартный план, согласно которому формировалась ежегодная отчетность [35]. Структура данного плана включала три ключевых раздела: «организационная работа», «материальные средства в области народного хозяйства» и «культурно-просветительская работа». Важные пункты отчетности касались позиций духовенства, в частности, вопроса о том, «осуществляет ли оно разрушительную деятельность», а также источников финансирования ККОВ. В местных архивах не удалось выявить источники, позволяющие реконструировать детализированную аргументацию мусульманского духовенства Адыгеи по поводу передачи ушир-закята в ККОВ. Это затрудняет определение позиций и подходов религиозных лидеров к данной инициативе, а также их возможности влияния на местное население.

Единственным источником информации, представляющим интерес и содержащим релевантные сведения, является стенограмма IV Дискуссионного съезда мусульманского духовенства и верующих Адыгеи, состоявшегося в декабре 1925 г. Данный съезд закрепил размежевание духовенства на «прогрессивное» и «реакционное», которое было инициировано и целенаправленно поддерживалось советской властью по всей стране с 1922 г. В Адыгее эта политика последовательно реализовывалась посредством организации и проведения съездов духовенства и мусульман в период с 1922 по 1925 гг.

Вопрос об ушир-закяте был не случайно вынесен в отдельный пункт повестки съезда. Из отчета ОГПУ за октябрь 1925 г. известно, что ушир-закят не сдавался профильным комиссиям, тогда как в прошлом году при меньшем урожае к концу октября сбор ушир-закята был закончен [48, с. 639]. Вероятно, партийные и советские органы Адыгеи, осуществлявшие организацию съезда и контроль над реализацией повестки, рассчитывали на принятие резолюции, санкционирующей передачу ушир-закята в ККОВ. Однако обсуждение вопроса пошло не по запланированному сценарию. С самого начала участники съезда выразили несогласие с необходимостью одновременной уплаты шариатских сборов и единого сельскохозяйственного налога. Ибрагим Бекух, эфенди аула Шенджий, акцентировал внимание на случаях нецелевого использования шариатских сборов, в частности на финансирование эфенди, участвующих в работе данного съезда, а также на обустройство школ-медресе. Бекух, ссылаясь на Сунну, напомнил участникам съезда, что «ушир» и «закят» главным образом должны собираться для нужд народа... и в первую очередь отдаваться нищим, инвалидам и сиротам» [6, с. 21].

Крестьянин Чатиб Чубитне согласился с И. Бекухом и предложил направить половину собранного в 1925 г. ушир-закята в Крестьянский комитет взаимопомощи [6, с. 22]. В президиум съезда поступила записка с этим предложением. Тем не менее, съезд отклонил это его сославшись на то, что согласно Корану ушир-закят должен распределяться исключительно в пределах той территории, на которой он был собран. Местные же ККОВ, передавали собранные средства в областной ККОВ. После завершения съезда местным отделением ОГПУ был составлен отчет, в котором даже разъяснения «прогрессивного духовенства» о том, что ни ушир-закят, ни какие-либо другие сборы не должны взиматься вообще, поскольку «по Корану закят

добровольным порядком передается бедным, вдовам и сиротам без посредства духовенства», характеризуются как способствующие нежеланию населения отдавать зерно муллам» [48, с. 639].

В Адыгее, где ККОВ не пользовались популярностью среди крестьян, власти пытались манипулировать названиями и смыслами, чтобы сделать их ближе местному населению. На заседании Оргбюро РКП (б) член бюро Мельников предложил переименовать Комитет взаимопомощи в «Областной комитет крестьянской и черкесской общественной взаимопомощи» [36], и это предложение было поддержано. Непопулярности ККОВ и нежеланию населения передавать им шариатские сборы способствовали и недостатки в их работе, отмеченные на Пленуме Адыгейского обкома ВКП (б) в 1926 г.: бесхозяйственность, халатность, небрежное отношение к технике; нерациональное использование земли и скота, находящихся в их распоряжении. Нуждающееся население не всегда получало от ККОВ помощь – средства распылялись на мелкие пособия, не было трудовой помощи, комитеты увлеклись кредитными операциями ради получения процентов, что дискредитировало саму идею общественной взаимопомощи. Наконец, репутацию ККОВ портили случаи должностных преступлений сотрудников [37]. В совокупности эти проблемы подрывали доверие к ККОВ и снижали готовность населения перенаправлять им обязательные шариатские сборы, что затрудняло их эффективное функционирование и выполнение возложенных на них социальных функций.

На территории Адыгеи Северо-Кавказский крайком ВКП (б), который контролировал передачу шариатских сборов ККОВ в Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской и Чеченской автономных областях⁷, пытался применить опыт Кабардино-Балкарии. Там, как уже упоминалось, муллы возглавляли ККОВы, и собранный ушир-закят передавался через духовенство вплоть до 1930 г. [38]. Однако Адыгейский обком ВКП (б) неоднократно и настойчиво писал в крайком ВКП (б), что применение практики КБАО в Адыгее нецелесообразно [39]. По поручению Бюро обкома ВКП (б) Адыгеи председатель Адыгейского облисполкома Ш. Хакурате и сотрудник облисполкома Д. Цей направили в крайком ВКП (б) письмо (которое, к сожалению, не сохранилось в архиве) о «нераспространении на Адыгею опыта Кабарды» [40].

Местные власти, по всей видимости, опасались растущей политической и социальной активности духовенства Адыгеи. Четыре съезда духовенства и верующих, состоявшиеся в Адыгее в течение трех лет, в 1922–1925 гг., являются показателем этой активности. Духовенство на этих съездах представало как влиятельный социальный слой, пытающийся адаптироваться к новой советской реальности, корректируя отношения с верующими и властью. При этом самые образованные служители культа публично заявляли о непротиворечивости некоторых положений шариата идеям советской власти – таким, как равенство, необходимость образования и взаимопомощь. Использование мулл в качестве посредников при передаче религиозных сборов (ушир-закята) ККОВ дало бы им дополнительные рычаги воздействия на верующих. Это противоречило стратегии советской власти, ориентированной на борьбу с религией и её вытеснение из общественной жизни.

⁷ 16 октября 1924 г. Юго-Восточная область была переименована в Северо-Кавказский край, включивший 11 округов и четыре автономные области – Адыгейскую, Карачаево-Черкесскую, Кабардино-Балкарскую и Чеченскую.

К середине 1920-х гг. положение изменилось. Восстановление сельской экономики привело к появлению тезиса об обострении классовой борьбы в деревне и «кулацкой опасности». В докладной записке Ф. Э. Дзержинский писал в Политбюро ЦК РКП (б) в 1924 г.: крестьянство «приобрело способность к ясному пониманию и учету своих интересов, сознательной постановке вытекающих отсюда задач и к резкой критике экономических мероприятий соввласти»⁸. Со второй половины 1920-х гг. меняется стилистика партийных и советских документов, касающихся проблематики ушир-закята. Вопрос о его передаче ККОВ становится задачей не только местных советских и партийных органов, к ним подключается ОГПУ Адыгеи. Начинается системная кампания по передаче ушир-закята ККОВ. В конце июня 1926 г. начальник ОГПУ Адыгеи П. Б. Мурат докладывал на заседании бюро обкома ВКП (б) «о ходе кампании по ушир-закяту» [41]:

– в 27 аулах, т. е. в половине аулов ААО, она дала положительный результат. Однако в некоторых аулах (Уляп, Блечепсин, Гатлукай) «товарищами были допущены ошибки», которые привели к тому, что передать ушир-закят в ККОВ не удалось. Мурат призывал к осторожности, строгому учету обстановки и настроений людей, а также советовал «не форсировать работу в местах, где отсутствует гарантия успеха и встречаются элементы сопротивления» [41].

Отчеты о передаче закята ККОВ в Адыгее поступали в краевые органы власти. В «Общем обзоре крестьянских обществ взаимопомощи на Северном Кавказе с апреля 1925 по октябрь 1926 гг.» указывается, что в Кабардино-Балкарии, частично Адыгее, Чеченской и Карачаевской автономных областях закят поступает в распоряжение КОВ, пополняя их фонды [42]. В Адыгее, говорится в «Обзоре», так же, как и в Кабарде и Черкесии, закят распределялся непосредственно из мечети при участии духовенства, в отличие от других регионов Северного Кавказа – Чечни, Ингушетии, Карачая и частично Осетии и Балкарии, где мусульмане отдавали закят напрямую нуждающемуся человеку [11, с. 41]. По состоянию на 1 октября 1927 г. в Адыгее в ККОВ еще не поступили шариатские сборы из всех аулов [42].

Заключение

В первой половине 1920-х гг. в Адыгейской автономной области была предпринята попытка институционализации передачи ушир-закята верующими в распоряжение комитетов крестьянской общественной взаимопомощи без участия мусульманского духовенства. Данная инициатива реализовывалась в административном порядке. В тех аулах, где население осуществляло передачу ушир-закята непосредственно ККОВ, наблюдалось значительное ослабление социально-экономических позиций мусульманского духовенства. Исключение духовенства из цепочки «сбор-распределение» ушир-закята способствовало оттоку представителей социально незащищенных слоев населения из-под его влияния. Данный процесс затрагивал экономические интересы духовенства, лишая его одного из стабильных источников дохода. Таким образом, передача ушир-закята комитетам взаимопомощи представляла собой не только инструмент пополнения фондов последних, но и средство ограничения влияния духовных лиц и подрыва их экономического

⁸ Докладная записка Дзержинского в Политбюро ЦК РКП(б) о перспективах крестьянского движения в связи с ожидающимся неурожаем // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 2. 1923–1929. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 206.

благополучия. Невыплата закята в пользу ККОВ может быть интерпретирована и как латентная форма сопротивления антирелигиозной политике государства и проводимой коллективизации. На протяжении всей исследуемой кампании власти смещали акцент в сторону экономической составляющей ушир-закята, что нивелировало его духовное значение.

Во второй половине 1920-х гг. интерес властей к вопросу об ушир-закате не ослабевает, а к процессу его передачи ККОВ подключается ОГПУ Адыгеи. Данный период требует отдельного анализа, поскольку тема ушир-закята в контексте перехода к сплошной коллективизации сельского хозяйства оказывается тесно переплетена не только с проблематикой преодоления религиозных пережитков, но и с разработкой тезиса об усилении классовой борьбы в деревне и политической ориентации на беднейшие слои населения.

Литература

1. Акрамов М. И. Социально-экономические преобразования в период Гражданской войны в Таджикистане в 1918–1923 годах // Историк (Муаррих). 2022. № 2 (30). – С. 34–48.
2. Алиев У. Кара-Халк («Карахалк» – черный народ): очерк исторического развития горцев Северного Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. – Ростов н/Д, 1927. – 112 с.
3. Алиев У. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. – Черкесск, 1991. – 320 с.
4. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 96 с.
5. Григорьев В. С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства, 1921–1941 гг.: дис. ... докт. ист. наук. – М., 1997. – 530 с.
6. Дискуссионный съезд мусульманского духовенства и верующих Адыгейско-Черкесской автономной области. – Краснодар, 1925. – 60 с.
7. Емтыль, Р. Х. Социально-экономическое и культурное развитие адыгейского аула (1920-е годы). – Майкоп, 2003. – 132 с.
8. Ислам: энциклопедический словарь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 315 с.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Т. III. 1924–1927. – 8-е изд. – М., 1970. – 552 с.
10. Кубов Ч. Ч. Исторический опыт партийного строительства в национальных автономиях Северного Кавказа в переходный период к социализму (1920 – июнь 1941 г.). – Майкоп: Краснодарское кн. изд-во, Адыг. отд-ние, 1990. – 462 с.
11. Кундухов М. О закате и некоторых других формах поборов духовенства в нацобластях // Революция и горец. 1929. № 7–8. – С. 30–41.
12. Ладыженский А. М. Адамы горцев Северного Кавказа. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 219 с.
13. Мекулов Д. Х. Советы Адыгеи в социалистическом строительстве, 1922–1937 гг. – Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, Адыг. отд-ние, 1989. – 155 с.
14. Меретуков, М. А. Борьба трудящихся Адыгеи за восстановление народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Сборник статей по истории Адыгеи. Советский период. – Майкоп, 1967. – С. 62–97.
15. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 10. Л. 50.

16. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 88. Л. 357–357 об.
17. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.
18. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
19. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 81. Л. 37.
20. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 129. Л. 44 об.
21. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 91.
22. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 55. Л. 1
23. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 64. Л. 11
24. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 68. Л. 2
25. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 97
26. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 94а. Л. 21.
27. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 110. Л. 104 об.
28. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 30. Л. 21.
29. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 282. Л. 54–54 об.
30. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 55. Л. 36.
31. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 109. Л. 16.
32. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 107. Л. 45.
33. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 121. Л. 27 об.
34. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 112. Л. 85
35. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 107. Л. 255.
36. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 130. Л. 165.
37. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 87 об.–88.
38. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 113. Л. 83–84.
39. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181а. Л. 43, 69.
40. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 233 об.
41. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 234. Л. 133 об.
42. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 113. Л. 83–84.
43. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-459. Оп. 1. Д. 121. Л. 71 об.
44. [Отчет о деятельности Областного исполнительного комитета и его отделов с 1 октября 1923 по 1 октября 1924 г. – Краснодар, 1924. – 77 с.](#)
45. [Положение и инструкция о крестьянских обществах взаимопомощи и инструкция о порядке ведения делопроизводства и счетоводства в ККОВ. – М., 1926. – 79 с.](#)
46. [Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа, вторая половина XIX–XX в. – М.: Наука, 1983. – 264 с.](#)

47. Соблирова З. Х. Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи в социально-экономической истории Кабардино-Балкарии (1922–1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2016. – 214 с.

48. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М.: ИРИ РАН [и др.], 2002. – Т. 3. Ч. 2. – 966 с.

References

1. Akramov M. I. Socio-economic transformations during the Civil War in Tajikistan in 1918–1923. *Historian (Muarrikh)*. 2022, no. 2 (30), pp. 34–48. (in Russian)
2. Aliyev U. Kara-Khalk (“Karakhalk” – black people): an essay on the historical development of highlanders of the North Caucasus and the foreign influence of Islam, tsarism, etc. thereon. Rostov-on-Don, 1927. 112 p. (in Russian)
3. Aliyev U. *Karachay (Karachay Autonomous Region). Historical-ethnological and cultural-economic essay*. Cherkessk, 1991. 320 p. (in Russian)
4. Bgazhnokov B. Kh. *Adyghe Ethics*. Nalchik, El-Fa, 1999. 96 p. (in Russian)
5. Grigoriev, V. S. *Organization of Public Mutual Aid of the Russian Peasantry, 1921–1941: doctoral thesis (History)*. Moscow, 1997. 530 p. (in Russian)
6. *Discussion Congress of the Muslim Clergy and Believers of the Adyghe-Circassian Autonomous Region*. Krasnodar, 1925. 60 p. (in Russian)
7. Emtyl R. Kh. *Socio-Economic and Cultural Development of the Adyghe Aul (1920s)*. Maykop, 2003. 132 p. (in Russian)
8. *Islam: Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Nauka: Main Editorial Board of Oriental Literature, 1991. 315 p. (in Russian)
9. *The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee (1898–1971)*. Vol. 3. 1924–1927. 8th ed. Moscow, 1970. 552 p. (in Russian)
10. Kubov, Ch. Ch. *Historical Experience of Party Building in the National Autonomies of the North Caucasus during the Transitional Period to Socialism (1920 – June 1941)*. Maykop: Krasnodar Book Publishing House, Adyghe Branch, 1990. 462 p. (in Russian)
11. Kundukhov, M. On zakat and some other forms of clergy extortion in ethnic regions. *Revolution and the Highlander*. 1929, no. 7–8, pp. 30–41. (in Russian)
12. Ladyzhensky, A. M. *Customs of the Highlanders of the North Caucasus*. Rostov-on-Don: North-Caucasian Research Center of the Higher School Publishing House, 2003. 219 p. (in Russian)
13. Mekulov, D. Kh. *Soviets of Adyghea in Socialist Construction, 1922–1937*. Maykop: Krasnodar Book Publishing House, Adyghe Branch, 1989. 155 p. (in Russian)
14. Meretukov, M. A. The Struggle of the Working People of Adyghea for the Restoration of the National Economy (1921–1925). *Collection of Articles on the History of Adyghea. Soviet Period*. Maykop, 1967, pp. 62–97. (in Russian)
15. *National Archives of the Republic of Adyghea*. Col. R-1. Ser. 1. F. 10. Itm. 50. (in Russian)
16. *National Archives of the Republic of Adyghea*. Col. R-1. Ser. 1. F. 88. Itm. 357–357 f.v. (in Russian)
17. *National Archives of the Republic of Adyghea*. Col. R-466. Ser. 1. F. 16. Itm. 2. (in Russian)
18. *National Archives of the Republic of Adyghea*. Col. P-1. Ser. 1. F. 6. Itm. 1. (in Russian)

19. *National Archives of the Republic of Adygea*. Col. P-1. Ser. 1. F. 81. Itm. 37. (in Russian)
20. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 129. Itm. 44 f. v. (in Russian)
21. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. P-1. Ser. 1. F. 91. (in Russian)
22. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. P-1. Ser. 1. F. 55. Itm. 1 (in Russian)
23. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. P-1. Ser. 1. F. 64. Itm. 11 (in Russian)
24. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. P-1. Ser. 1. F. 68. Itm. 2 (in Russian)
25. *National Archives of the Republic of Adygea*. Col. 1. Ser. 1. F. 91. Itm. 97 (in Russian)
26. *National Archives of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 94a. Itm. 21. (in Russian)
27. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 110. Itm. 104 f. v. (in Russian)
28. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 30. Itm. 21. (in Russian)
29. *National Archives of the Republic of Adygea*. Col. R-1. Ser. 1. F. 282. Itm. 54–54 f. v. (in Russian)
30. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 55. Itm. 36. (in Russian)
31. *National Archives of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 109. Itm. 16. (in Russian)
32. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 107. Itm. 45. (in Russian)
33. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 121. Itm 27 f. v. (in Russian)
34. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 112. Itm. 85 (in Russian)
35. *National Archives of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 107. Itm. 255. (in Russian)
36. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. P-1. Ser. 1. F. 130. Itm. 165. (in Russian)
37. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. P-1. Ser. 1. F. 182. Itm. 87 f. v. – 88. (in Russian)
38. *National Archives of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 113. Itm. 83–84. (in Russian)
39. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. 1. Ser. 1. F. 181a. Itm. 43, 69. (in Russian)
40. *National Archives of the Republic of Adygea*. Col. 1. Ser. 1. F. 199. Itm. 233 f.v. (in Russian)
41. *National Archive of the Republic of Adygea*. Col. P-1. Ser. 1. F. 234. Itm. 133 f. v. (in Russian)
42. *National Archives of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 113. Itm. 83–84. (in Russian)

43. *National Archives of the Republic of Adygea*. Col. R-459. Ser. 1. F. 121. Itm. 71 f. v. (in Russian)

44. *Report on the activities of the Regional Executive Committee and its departments from October 1, 1823 to October 1, 1924*. Krasnodar, 1924. 77 p. (in Russian)

45. *Regulations and instructions on peasant mutual aid societies and instructions on the procedure for maintaining records and bookkeeping in PMAS*. Moscow, 1926. 79 p. (in Russian)

46. Smirnova, Ya. S. *Family and family life of the peoples of the North Caucasus in the second half of the 19th – 20th centuries*. Moscow: Nauka, 1983. 264 p. (in Russian)

47. Soblirova, Z. Kh. *Peasant mutual aid societies in the socio-economic history of Kabardino-Balkaria (1922–1929)*: Cand. thesis (History). – Nalchik, 2016. – 214 p. (in Russian)

48. “Top Secret”: *Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)*. Moscow. Institute of Russian History, RAS [et al.], 2002. Vol. 3. Part 2. 966 p. (in Russian)